

Я звоню через необозримые водные пространства и материки — и, пока набираю цифры на телефоне, приближается Патриарший пруд с решёткой и фонарями вокруг, и тут же, через неширокую улицу — дом, в котором квартира Игоря Шкляревского.

— Я вас слушаю, — звучит бодрый, свежий голос Шкляревского.

Его время — ночь. Ночью всё острее — и жизнь духа, и весь дневной мир, который как бы удесятерил свою силу, зажжённый луной. «Полночный свет — ты тот же день, // Белей лишь блеск, чернее тень...» — так чувствовал ночь Афанасий Фет. Мир в эти часы — издали уже видится. И в нём, в таком сложном, проще разобраться. Из-за того, что включается как бы дополнительное зрение, шестого, наверно, всё же существующего чувства.

Говорим с ним в основном, как всегда, о Поэзии. Но его живую, переливчатую, артистическую натуру и воображение интересует и заяц, которого я иногда вижу на траве у двери дома, и олени, спускающиеся с гор и, как прекрасные неподвижные изваяния, стоящие порой неподалёку, не боясь людей, думая, наверно, что мы — деревья.

— Напомни мне название твоего городка, — просит он.

— Иссакуа, старое индейское название, — отвечаю я.

Однажды он прочёл мне по телефону начало неоконченного стихотворения, и, я думаю, Игорь Шкляревский простит мне вторжение в пока ещё рукописный текст, потому что эта часть его совершенна, пластична и завершена сама по себе:

Живу один. Теперь мы все изгой.
Уже поэты вовсе не нужны.
И только голос Межировой Зои
Ко мне приходит
из другой страны...

Конечно, это и поэтическая метафора, и лирическое преувеличение окружённого любовью близких друзей и поклонников его поэзии, тех, которые, что бы ни происходило с нашим обществом, не переведутся на русской земле. Как говорил Александр Межиров, настоящий читатель — величина постоянная, истинных читателей всегда немного.

Шкляревский не слишком любит поток восхвалений. Однажды на мой рассказ о том, что одна знакомая время от времени снимает с полки его книгу и читает по одному

стихотворению, медленно, прочувствованно, а потом через некоторое время стихи эти снова перечитывает, он ответил:

— Вот это для меня самое драгоценное.

Александр Межиров называл его первым лириком современной России. А я называю — флейтой Господа. Валентин Курбатов писал недавно о таком желанном интервью с поэтом: «Надо бы поговорить с сегодняшним Игорем Ивановичем, слава Богу, ещё молодым речью и даром, ухватить это чудо и тайну слышания мира». Замечательно сказано — «тайна слышания мира».

Как и всякий большой поэт, он именно слушает мир, который страдает ещё и потому, что желает быть выраженным. И поэт всегда ощущает это страдание.

Я упомянула одиночество. А точнее надо было бы сказать — затвор, который концентрирует, как это делает для некоторых ночь, духовные силы и на самом деле полон особой жизнью. «Затаённая роскошь перловиц, малиново-серебристая, бледно-голубая радуга, которая скрывается за грубыми створами», — сказал мне об этом Шкляревский, вспоминая строчку из своей только что законченной прозы «Книга белых ночей и пустых горизонтов». Вот что такое затвор. И не от нелюбви к людям он. Я была удивлена и, придя в изумление, даже повторно перечитала статью «Одинокое блуждание по земле» критика Владимира Бондаренко об Игоре Шкляревском (в сборнике «Последние поэты империи»). «Книга его стихов мне, безусловно, понравилась, но скорее своей откровенностью, чем жизненной позицией...» — писал Бондаренко. В статье много верных мыслей и точных наблюдений, но главный взгляд на поэзию Шкляревского привёл в растерянное недоумение, обескуражил. Ну, об откровенности и говорить не стоило, без неё нет настоящего стихотворения, которое и у Шкляревского — исповедь. Но вот о непонравившейся жизненной позиции хочется особо сказать. Нет у Шкляревского нелюбви к людям и отгораживания от них. Необходимый для его характера творческий затвор отсортировывает всё непервостепенное для жизненного времени и души. Это абсолютно понятно, и в этом нет ничего предосудительного. В данном случае — человеческая натура обслуживает поэтическую, что не одно и то же, самопроизвольно, инстинктивно защищая, оберегая её. У Игоря Шкляревского как раз острое сопереживание другому человеку в мире, ускользающему в никуда времени. Да вот и это первое попавшееся короткое стихотворение полностью доказывает сказанное:

Проезжая лунный полустанок,
Женщине со связкою баранок
Жаловался на судьбу сосед,
Но остался только
лунный свет.

И опять — сколько воздуха здесь! — как это всегда у Шкляревского и в стихах, а теперь и в его лирической прозе. И сколько внимательной любви, и боли, и сочувствия к ближнему, напрямую не сформулированные — выраженные.

Да, необходимый затвор. Он исключительно редко, особенно теперь, появляется на людях. Я помню появление Игоря Шкляревского, кажется, совсем недавно, а прошёл уже с немалым год, на сцене Большого зала ЦДЛ, где стоял гроб с телом Евгения Евтушенко в день прощания. Перед рядами стульев сбоку — там сидели близкие друзья и родственники ушедшего — неожиданно возникла фигура в чёрном пальто с тёмно-красными розами, и как бы взвихренный воздух взошёл с ним на сцену. И тут же по рядам пронёсся едва заметный, но явственный, взволнованный шёпот растерянности: «Игорь Шкляревский... Игорь Шкляревский...».

А как могло быть иначе?.. Шкляревский, хоть было ему в этот день совсем нелегко пробираться сквозь толпу у входа и длинный поток людей, стоящих в несколько рядов по улице, пришёл проститься — даже не с другом, какая может быть дружба среди оди-

ноких волков Поэзии?.. — с другим одиноким волком, таким же на самом деле одиноким, как и он сам, встать около гроба в горечи расставания, овеванной чёрными полами пальто, как взвихрениями скорбных ангельских крыл, в тот момент даже изменивших свой обычный цвет. Это было неожиданное явление, которое запомнилось.

Жаль, что в прекрасной статье Бондаренко о Шкляревском не сказано о ещё одном важном элементе поэзии — о поэтической ткани его стихов. Она ведь — основа, и ведь именно ею отличаются поэты. И если говорить о фактуре стихов Шкляревского, то вот как она мне на ощупь духовной и слуховой представляется. И наверное, не грех будет в данном случае процитировать мною же в своё время написанное:

«Драгоценная прохлада серебра, чуть колющая своими невидимыми стрелами и свежая. Может быть, потому, что в стихах много бодрящей прохлады „и веселящий душу холодок“. Даже избавление от болезни любви, которая отпустила, сравнивается с погружением сломанной руки в спасительный холод ручья. Этот серебряный холод — живая бодрость ослепляюще высокой духовности. В его стихах очень ясное, кристально прозрачное видение, как будто пишущий их только что вышел из воды и в глазах, как линза природы, растекшаяся капля, дающая особое преломление света и удесятворяющая чёткость зрения. Сквозь неё отчётливее видны детали мира, видимого и творимого. Никогда прямо не формулируя, Шкляревский стихийно преподносит эмоциональный образ предмета или события. Он стремится свести слова до предельного минимума. Ему отрадно подняться даже выше немногословия и вплотную прильнуть к сути звуковой мелодии, самозабвенно растворяясь в ней».

Выше немногословия... Последнее — очень важно, к этому Шкляревский пришёл не сразу — жёсткие, я бы даже сказала, безжалостные сокращения. Недавно я с удивлённым восхищением проследила одно из таких сокращений. Речь о первоначальном и окончательном варианте стихотворения «Анна Валерия». Я увидела, что были изъяты из него чистые, пластичные, замечательно написанные строки начала. Но почему? Ответ был ясен: поэт избавлялся от информативной описательности, которой действительно необходимо много слов. Появились особая сила, и сжатость, и красота. Бриллианту нужна необычная, особая огранка. И появился мираж, навсегда запечатлённый в слове:

И увидел он Анну Валерию
в тёмной раме окна.
Если свет переходит
в материю, — вот она...
Её волосы, в небе шумящие,
словно тысячи птиц,
оглушали разлукой щемящею
выше гор и границ.
И несло их дорогой канатною,
и над морем огней
он прощался всю ночь
с итальянкою
руставелевских дней.
Не погашено бешеной вьюгою
где-то в поле окно.
Так сияло им перед разлукою
утешенье одно.

И сказал он ей: «Анна Валерия,
веке в двадцать втором,
если в свет переходит
материя,
мы друг друга найдём».

Я праздную сейчас, Игорь, твой Юбилей, действительно славный, действительно всепобеждающий, праздную твой высокий Дар этим так любимым многими стихотворением. Неиссякаемого вдохновения тебе и радости читателям от твоей поэзии и в прозе и в стихах. И пусть ещё долгие годы будет наполнена удачами жизнь под охранным и целебным покровом твоей же строчки — «И ласточкой в моём окне // там счастье ставит запятую». Потому что в области поэзии — нет времени и расстояний, и властью её — даже далёкое — там, всегда — здесь.